

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ
В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

В данной статье рассматривается история развития научных представлений о погребальном обряде андроновской культуры Алтая. Дается характеристика основных направлений исследований и существующих концепций по данной проблематике. В результате автор приходит к заключению, что в 40–70-х гг. XX в. погребальный обряд андроновских племен рассматривался учеными наряду с другими элементами культуры и не являлся предметом отдельного исследования. Начиная с середины 70-х гг. исследователи все чаще обращаются к интерпретации некоторых аспектов погребальной обрядности, а также реконструкции на их основе мировоззренческих представлений андроновского общества. Наибольший вклад в исследование данной проблематики внесли такие ученые, как М. П. Грязнов, С. В. Киселев, В. И. Матющенко, М. Ф. Косарев, Ю. Ф. Кирюшин, А. П. Уманский и др.

Ключевые слова: Алтай, эпоха развитой бронзы, андроновская культура, погребальный обряд, история изучения, историография.

В начале 20-х гг. XX в. С. А. Теплоуховым на основе материалов Минусинской котловины была выделена андроновская культура [1927. С. 61]. Практически сразу после этого началось систематическое изучение андроновских памятников и на Алтае. С тех пор усилиями исследователей на территории степного и лесостепного Алтая было выявлено и исследовано множество погребальных комплексов андроновской культуры, разработаны вопросы интерпретации различных аспектов погребальной обрядности населения эпохи развитой бронзы. Попытки обобщить результаты этих исследований уже неоднократно предпринимались в литературе (см.: [Кирюшин, Шамшин, 1992; Позднякова, 2001] и др.). Однако в трудах подобного плана освещалась либо история исследования памятников эпохи бронзы в целом, либо отдельные этапы этих исследований.

На сегодняшний день не существует работы, которая бы обобщала все накопленные на данный момент знания, касающиеся погребальной практики андроновского на-

селения Алтая. В настоящей статье предпринята попытка устранить этот пробел и представить целостную характеристику основных направлений исследований по данной проблематике. Эта работа является продолжением и дополнением нашей статьи, посвященной истории изучения андроновских могильников на территории степного и лесостепного Алтая [Попова, 2009].

Традиционно в истории развития сибирской археологии выделяют три этапа [Матющенко, 1992. С. 3–6; 1995. С. 3–5]. Нами были определены следующие хронологические рамки для этапов изучения андроновской культуры на Алтае: первый – с конца XIX до середины 1940-х гг.; второй – с 1940-х до середины 1970-х гг.; третий – с середины 1970-х гг. до настоящего момента [Попова, 2009]. В данной работе мы также будем придерживаться этой периодизации.

Одним из первых памятники андроновской культуры на Алтае начал изучать М. П. Грязнов. В работе «Древние культуры Алтая» он предложил периодизацию эпохи

бронзы Барнаульско-Бийского Приобья, выделив четыре больших историко-культурных периода, в том числе и андроновский этап. В этой же работе, М. П. Грязнов отметил, что предгорный Алтай в андроновскую эпоху являлся частью большой культурной области, подразумевая однотипность материалов погребальных памятников Казахстана, Минусинской котловины и Алтая [1930].

Большое значение для изучения андроновской культуры Алтая имела работа М. П. Грязнова, вышедшая в 1956 г., «История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка». В ней Михаил Петрович подводит итоги изучения развитой и поздней бронзы (андоновской и карасукской культур) Верхнего Приобья и соседних территорий. Эта работа явилась первым серьезным обобщением всех имевшихся на тот период материалов эпохи бронзы Алтайского Приобья. М. П. Грязнову впервые удалось построить подробную периодизацию культуры этой территории от андроновской эпохи до начала раннего железного века. Также им были освещены вопросы хозяйственной деятельности населения, социальной структуры общества и др. [1956]. Особое внимание М. П. Грязнов уделил анализу погребального обряда андроновцев. Как и предыдущие исследователи, он указывал на отсутствие в алтайских памятниках характерных для других андроновских погребений каменных конструкций. Подобную ситуацию М. П. Грязнов связывал с местными природными условиями, т. е. с отсутствием камня в районе Верхней Оби [Там же. С. 17]. Рассматривая погребальный инвентарь, исследователь отмечает его скудность на фоне предыдущих эпох. В большинстве учтенных М. П. Грязновым случаях в захоронениях находился лишь сосуд и иногда предметы украшения – часть одежды умершего. Подобный набор вещей М. П. Грязнов объяснял переходом андроновцев к оседлому пастушеско-земледельческому типу хозяйства и изменением в связи с этим их представлений о загробном мире. По мнению исследователя, представители андроновской культуры снабжали умерших лишь небольшим запасом пищи в глиняном сосуде и нарядной одеждой в дорогу, поскольку все остальное они обретут в другом мире. Кроме того, М. П. Грязнов заметил, что в детских погребениях чаще все-

го встречаются «горшки более грубой выделки и с более простым орнаментом» и отсутствуют какие-либо конструкции, что объясняется применением для детей упрощенного способа погребения [Там же. С. 17–18, 21–22].

Большой интерес представляет гипотеза М. П. Грязнова о наличии у андроновских племен Верхней Оби специальных кладбищ для младенцев. Данный вывод был сделан им по результатам раскопок двух андроновских могильников на Ближних Елбанах, а также могильника Змеевка, на которых были найдены только детские погребения. Говоря о других территориях, М. П. Грязнов отмечал крайне малое количество погребений младенцев на известных там могильниках, что также, по его мнению, косвенно могло указывать на то, что детей хоронили отдельно. В подтверждение своей гипотезы ученый приводит этнографические сведения о том, что многие народы хоронили детей отдельно от взрослых, по совершенно иному обряду [Грязнов, 1956. С. 22–25].

Второй этап изучения андроновской культуры на Алтае характеризуется появлением ряда обобщающих работ, в которых исследователями проводился анализ материалов исследованных на тот момент андроновских могильников.

Одновременно с М. П. Грязновым памятники андроновской культуры на Алтае изучали и другие археологи. Известный краевед С. М. Сергеев свои исследования эпохи развитой и поздней бронзы обобщил в двух рукописях: «Андроновский этап древней бронзовой культуры в верховьях Оби» и «Карасукский этап древней бронзы в верховьях реки Оби». К сожалению, они так и не были опубликованы, однако позднее эти материалы полностью вошли в монографии М. П. Грязнова и С. В. Киселева [Кунгуров, 1992]. В них впервые были упомянуты многие новые памятники, сделан ряд ценных замечаний в интерпретации полученных материалов [Кирюшин, Шамшин, 1992].

В 1949 г. С. В. Киселевым была написана монография «Древняя история Южной Сибири» [1949]. В ней нашли отражение археологические материалы различных эпох, в том числе и материалы энеолита и бронзы Алтая [Кирюшин, Шамшин, 1992. С. 198].

Достаточно большое внимание в своей работе С. В. Киселев уделил рассмотрению

и анализу погребального обряда андроновской эпохи. При сравнении андроновских памятников Минусинской котловины, Казахстана и Алтая он заметил большое разнообразие в формах надмогильных сооружений. Для Алтая он выделил две известные на тот момент разновидности: небольшие земляные курганы без каких-либо оградок и просто грунтовые могилы. Эти различия С. В. Киселев объяснял «за счет местного своеобразия», но указывал и на другие возможные причины [1949. С. 52]. При анализе инвентаря могил исследователь отметил отсутствие костей животных в андроновских погребениях Алтая, а также богатство керамических материалов. При их рассмотрении С. В. Киселев пишет о большом сходстве минусинской и алтайской керамики по форме и орнаменту. Таким образом, он поддерживает точку зрения М. П. Грязнова о том, что алтайская андроновская керамика ближе к минусинской, чем к западно-казахстанской [Там же. С. 53]. В то же время Сергей Владимирович отмечает ярко выраженную на Алтае генетическую связь афанасьевской и андроновской орнаментации керамики, что позволило ему сделать вывод о том, что здесь афанасьевская культура послужила основой для сложения андроновской, возможно, в большей степени, чем на Среднем Енисее [Там же. С. 54]. В заключение С. В. Киселев делает вывод о преемственности андроновского погребального обряда от афанасьевского [Там же. С. 59–60].

После работ С. В. Киселева, С. М. Сергеева и М. П. Грязнова алтайские материалы некоторое время оставались без должного внимания исследователей. Только в середине 70-х – 80-е гг. появляется ряд работ западно-сибирских исследователей, которые, так или иначе, касались многих проблем этой территории. Среди них можно назвать имена В. И. Матющенко, М. Ф. Косарева и др.

В 1973–1974 гг. выходит в свет монография В. И. Матющенко, в которой обобщаются материалы эпохи неолита и бронзы лесного и лесостепного Приобья [1973]. Памятники Алтая нашли свое отражение в основном в третьей и четвертой частях работы. Так, в третьей части, названной автором «Андроновская культура на Верхней Оби» дается полная сводка по памятникам андроновской культуры, известных к 1972 г. на этой территории, типология всего веще-

ственного материала, рассматриваются вопросы хронологии, хозяйства и пр.

Что касается анализа погребального обряда, В. И. Матющенко замечает его сравнительное разнообразие, которое заключается в различиях погребальных сооружений и внутримогильных конструкций, способах захоронения (ингумация и кремация), положении умершего в могиле и т. д. [Там же. С. 29–36]. Особенности отдельных памятников автор предлагает объяснять этнографической обособленностью населения отдельных районов [Там же. С. 64]. Также В. И. Матющенко считает, что на основании материалов андроновских могильников Верхней Оби можно говорить о наличии имущественной дифференциации в андроновском обществе данного района, которая выражается в богатстве инвентаря некоторых погребений. При этом он замечает, что в отличие от населения территорий Центрального, Западного и Северного Казахстана, в отношении имущественного расслоения верхнеобские андроновские племена ушли далеко вперед [Там же. С. 61–62]. Нельзя не заметить, что это весьма спорное утверждение, которое пока не находит подтверждения в работах других исследователей.

Также в своей работе В. И. Матющенко подвергает критике мнение М. П. Грязнова о существовании отдельных детских кладбищ. В качестве опровержения подобной точки зрения, он приводит материалы таких могильников, как Нижняя Суетка, Кытманово и др., где дети были захоронены наряду со взрослыми. Вместе с тем В. И. Матющенко не исключал возможность существования специальных детских участков на территории могильников [Там же]. Касаясь вопросов религиозных воззрений андроновского населения, В. И. Матющенко в целом продолжает идеи М. П. Грязнова.

Большой вклад в изучение андроновской культуры Алтая внес М. Ф. Косарев. В монографии «Бронзовый век Западной Сибири» М. Ф. Косарев выделил локальные варианты андроновской культурно-исторической общности, в обосновании которых лежал территориальный признак [1981]. Андроновские памятники Алтая были отнесены к Верхнеобскому варианту данной культуры. Рассмотрев материалы верхнеобских могильников, М. Ф. Косарев делает вывод о том, что «курганные насыпи более

характерны для могильников, где полнее представлены классические андроновские типы посуды; там, где в могильниках преобладают баночные сосуды с простой невыразительной орнаментацией, отчетливых курганных насыпей, как правило, не бывает» [Косарев, 1981. С. 116].

Анализ погребального обряда различных культур бронзового века отражен в главе «Верования». Здесь исследователем на основе всестороннего рассмотрения обряда захоронения и сопоставления этих данных с этнографическим материалом была сделана попытка реконструкции религиозных представлений древних обществ. М. Ф. Косаревым убедительно было доказано существование в эпоху бронзы на территории Западной Сибири тотемистических представлений, различных культов солнца и огня, были описаны возможные представления древних людей о загробной жизни [Там же. С. 246–265].

Работы М. Ф. Косарева стали важным этапом на пути разработки мировоззренческой проблематики в анализе погребального обряда эпохи развитой бронзы. В дальнейших своих исследованиях автор продолжает разработку этих и других вопросов, уточняя и редактируя свои выводы на основе новых данных. [Там же. С. 134–198].

Рассматривая вышеизложенные работы, можно заметить, что для исследователей, работавших в 50–70-е гг. XX в., основной целью было дать общее представление об эпохе бронзового века и отдельных культурах. Разрабатывались проблемы периодизации и хронологии памятников, их культурной принадлежности. Погребальный обряд андроновских племен рассматривался наряду с другими элементами культуры и не являлся предметом отдельного исследования. Несомненно, такой подход имел объективное обоснование, поскольку в этот период происходили накопление источников и их первичный анализ.

С созданием в 1978 г. Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая начинается третий, современный этап исследования андроновской культуры данного региона. Раскопки памятников на территории края начинают носить более систематический характер, увеличивается объем стационарных и разведочных работ. В результате появляется большое количество новых материалов, позволяющих исследо-

вателям перейти на более высокий уровень археологических интерпретаций. На данном этапе исследователи все чаще обращаются к проблемам интерпретации отдельных аспектов погребальной обрядности, а также реконструкции на их основе мировоззренческих представлений андроновского общества.

Активную разработку проблем погребального обряда андроновской культуры в этот период начинают местные, алтайские ученые. Важным этапом на этом пути стали работы Ю. Ф. Кирюшина. Выводы по анализу погребального обряда впервые были обобщены им в докторской диссертации, посвященной энеолиту, ранней и развитой бронзе Верхнего и Среднего Приобья [1986]. В 1995 г. он опубликовал статью, посвященную особенностям погребального обряда андроновской культуры Верхнего Приобья, уделяя при этом большее внимание памятникам Алтая [Кирюшин, 1995]. В данных работах им были собраны, учтены и обобщены все имеющиеся на тот момент сведения об андроновских могильниках. Как и другие исследователи Ю. Ф. Кирюшин отмечает, что обряд захоронения андроновских племен исследуемой территории достаточно разнообразен. Рассматривая различия курганных и грунтовых могильников, автор делает вывод о том, что под курганными насыпями обычно хоронили умерших по обряду трупосожжения. При этом данный обряд не распространялся на детей. Труположение является основным способом захоронения во всех грунтовых могильниках [Там же. С. 59–62].

Ю. Ф. Кирюшин выделяет взрослые, детские и смешанные грунтовые могильники, поддерживая, таким образом, идею М. П. Грязнова о сепаратных детских кладбищах. В то же время он отмечает, что для детских погребений могли выделяться специальные места на взрослых некрополях. Объясняя причины обособления детских погребений, автор привлекает этнографические сведения. По его мнению, это были «безымянные кладбища», на которых хоронили детей, умерших до того, как им дали имя. Анализируя различия в ориентации и положении умерших в могиле, Ю. Ф. Кирюшин предполагает, что они могли зависеть от вида смерти либо от каких-то родовых или локальных отличий. Отдельно в работе рассмотрены культовые сооружения,

обнаруженные на могильниках. По мнению исследователя, это могли быть жертвенные или поминальные комплексы [Косарев, 1981. С. 63–65, 68–71].

Особое внимание Юрий Федорович уделил анализу погребальной посуды, считая, что различия в ее размерах и орнаментации могли быть социальными и половозрастными маркерами. Наличие в отдельных памятниках сосудов с идентичной орнаментацией могло свидетельствовать о кровно-родственных связях людей, оставивших эти памятники. В подтверждение этих выводов приводятся этнографические сведения [Там же. С. 72–75].

В данной работе, а также в ряде других работ Ю. Ф. Кирюшин выдвигает гипотезу о наличии служителей культа у андроновского населения, для которых существовал особый обряд погребения. В дальнейшем эта проблема не раз затрагивалась другими исследователями, которые тоже допускали подобную ситуацию. Еще ранее Ю. Ф. Кирюшин и С. Ю. Лузин в работе по могильнику Подтурино особое внимание уделили анализу погребений с отличным от основной массы обрядом захоронения. Объяснение данного явления они видят в «другом отношении к умершему» [Кирюшин, Лузин, 1993. С. 76], т. е. данный человек мог в каком-то отношении отличаться от своих соплеменников.

В 1990–2000-е гг. в связи с открытием и стационарным исследованием крупных некрополей эпохи развитой бронзы, таких как Фирсово XIV, Рублево VIII, Чекановский Лог II и X, на первый план выходит проблема анализа и интерпретации полученных материалов по погребальному обряду андроновской культуры Алтая. Местные исследователи в своих работах все чаще обращаются именно к этой тематике.

На основе материалов могильника Фирсово XIV А. Б. Шамшиным и О. А. Поздняковой (Ченских) рассматривался вопрос интерпретации захоронений с особым погребальным обрядом. Касаясь вопросов социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая, они остановились и на проблеме трактовки погребений с кремацией. Анализируя имеющиеся в их распоряжении данные, исследователи пришли к мнению о том, что андроновцы кремировали в основном женщин [Шамшин, Ченских, 1997. С. 55–56].

Продолжением развития данной гипотезы стала работа О. А. Поздняковой, посвященная проблеме интерпретации погребений женщин с головными уборами, разработавшейся также на основе данных могильника Фирсово XIV. Наиболее вероятно, по мнению автора, что данные женщины имели отношение к культу. При этом возможно, что кремированные женщины имели отношение к культу огня [Позднякова, 2000. С. 52]. В целом же вопрос о том, кого представители андроновской культуры подвергали действию данного обряда, остается одним из наиболее спорных в андроноведении.

В работе Ю. Ф. Кирюшина и П. И. Шульги были опубликованы случайные находки андроновских могил, с несвойственным для территории Алтая обрядом погребения в каменных ящиках (могильники Сигнал и Чесноково I). Материалы данных погребений, а также курганного могильника Корболиха I позволили исследователям сделать вывод об их близости к андроновским памятникам Восточного и Центрального Казахстана, что и объясняет данные особенности погребального обряда [1996. С. 33]. Поскольку захоронения подобного типа были встречены пока лишь в предгорьях Алтая, эта точка зрения сходна с мнением М. П. Грязнова и ряда других авторов о том, что вид могильных сооружений зависел от природных условий и материала, которым располагали древние люди для сооружения могил.

Некоторых аспектов погребального обряда касался в своих работах А. П. Уманский. На основе полученных в ходе раскопок могильников Кытманово и Нижняя Суетка данных он выделил три типа захоронений: трупоположения, трупосожжения и «условные погребения» или кенотафы, полагая при этом, что это могут быть ямы для сосудов с поминальной пищей [1999. С. 95]. Отдельно А. П. Уманский проанализировал керамический комплекс, разделив его на две группы по назначению – ритуальную посуду, изготовлявшуюся специально для установки в могилу, и бытовую, которая также нередко использовалась при установке в кенотафы и в ямки-поминальнички. К первой группе он отнес хорошо профилированные сосуды с богатым орнаментом, ко второй – бедно орнаментированные банки [Там же. С. 96].

Новым этапом в реконструкции мировоззренческих представлений древних обществ в эпоху бронзы стала монография Ю. И. Михайлова, вышедшая в 2001 г. Материалы могильников андроновской культуры Алтая также нашли отражение в данной работе [2001].

Автор достаточно подробно разбирает отдельные особенности погребального обряда различных культур, предпринимает попытки их интерпретации. Так, касаясь проблемы существования детских кладбищ, Ю. И. Михайлов в целом поддерживает мнение В. И. Матющенко, замечая при этом, что данный вопрос нуждается в дальнейших исследованиях. Также достаточно интересной ему кажется гипотеза Ю. Ф. Кирюшина о «безымянных» кладбищах. В то же время Ю. И. Михайлов отмечает, что она не объясняет все известные на данный момент ситуации, предполагая, что при создании подобных могильников могли учитываться и другие обстоятельства, например характер смерти [Там же. С. 102–104]. Отдельный раздел работы посвящен проблеме выделения служителей культа в андроновских обществах. В качестве маркера, отличающего захоронения подобных индивидов, Ю. И. Михайлов предлагает рассматривать особый инвентарь [Там же. С. 126–156]. Рассматриваются исследователем и другие особенности погребального обряда андроновских племен, которые ранее были слабо освещены в литературе. В частности, он затрагивает проблемы интерпретации парных захоронений, перевернутых сосудов и т. д., что также является важной заслугой данной работы.

В 2004 г. вышла работа, посвященная публикации и анализу материалов могильника бронзового века Рублево VIII [Кирюшин и др., 2004]. Особое внимание в данной работе авторы уделили интерпретации андроновских погребений, в которых был нарушен анатомический порядок костей скелета. Ранее подобные захоронения трактовались многими исследователями как разграбленные. Авторы данной статьи склонны расценивать подобные факты как свидетельства осуществления определенных манипуляций с телом умершего, производимых по прошествии определенного времени после захоронения. В работе подробно рассмотрен обряд кремации, реконструированы отдельные этапы этого процесса. Было отмечено, что в целом процесс сожжения, зафиксированный на могильнике Рублево VIII, схож на всех сопредельных territori-

ях. Это позволяет предположить существование у андроновского населения устойчивого канона, регулировавшего действия, связанные с кремированием. Кроме того, материалы данного могильника стали подтверждением идеи Ю. Ф. Кирюшина о сооружении на территории могильников культовых объектов [Там же. С. 64–65, 73–74].

Благодаря усилиям А. П. Уманского, Ю. Ф. Кирюшина и С. П. Грушина в 2007 г. были опубликованы материалы могильника Кытманово, раскопанного еще в 60-х гг. XX в. В данной работе авторы сделали акцент на описании и систематизации полученных материалов. Тем не менее, ими также был сделан ряд ценных замечаний по некоторым аспектам погребального обряда. Так, различия в положении погребенных, по мнению ученых, могли зависеть от характера смерти или родовых отличий. Авторы также рассматривают возможность существования надмогильных деревянных конструкций. Реконструкция этих сооружений позволяет предположить, что это были небольшие двускатные крыши, возвышающиеся над могилами [2007. С. 24, 35].

В монографии М. А. Демина и С. М. Ситникова, посвященной исследованию разновременных памятников Гилевского водохранилища, также затрагивались некоторые вопросы интерпретации погребального обряда андроновской культуры. Рассматривая данные, полученные в результате раскопок могильников Чекановский Лог II и X, исследователи также приходят к заключению о существовании ритуала вскрытия могил и осуществления с телом умершего действий религиозно-магического характера [2007. С. 55]. Анализируя погребения с кремацией, авторы приходят к заключению, что данному обряду подвергались представители всех половозрастных категорий андроновского населения. При этом таким способом выделялись погребения людей, «при жизни чем-то выделявшиеся на фоне остального социума (особое социальное положение, этнорелигиозные различия и пр.)» [Там же. С. 59–60].

Подводя итог, можно сказать, что исследователями уже неоднократно предпринимались попытки описания и реконструкции погребального обряда андроновской культуры Алтая. Рассматривая все вышеизложенные труды, можно проследить развитие представлений исследователей о погребальном обряде андроновской культуры степного и лесостепного Алтая. В истории исследования андроновских некрополей на Алтае

выделяют три этапа, различающихся по уровню накопления материалов и их осмыслению. Авторы первых работ видели преемственность в погребальном обряде андроновцев с предшествующими культурами, а также подчеркивали сходство алтайских и минусинских памятников. Изменения в погребальном обряде они связывали со сменой хозяйственной деятельности населения (С. В. Киселев, М. П. Грязнов). Акцент при анализе материалов могильников делался на реконструкции через них сфер материальной культуры. Таким образом, на первом этапе погребальный обряд андроновских племен рассматривался учеными наряду с другими элементами культуры и не являлся предметом отдельного исследования.

В конце второго периода исследователи постепенно начинают обращаться к интерпретации отдельных аспектов погребальной обрядности, а также реконструкции на их основе социальной структуры и мировоззренческих представлений андроновского общества. Попытки отдельных социальных реконструкций на основе погребального обряда предпринимал в своих работах В. И. Матюшенко. Он также отмечал своеобразие погребального обряда андроновской культуры Верхнего Приобья, говоря об этнографической обособленности населения отдельных районов. Обращение к мировоззренческим реконструкциям через интерпретацию обряда захоронения связано с именем М. Ф. Косарева. Продолжением развития данной проблематики стала работа Ю. И. Михайлова. Автором активно привлекались данные других наук, позволившие ему более детально восстановить религиозные представления древних обществ.

На третьем, современном этапе, большой вклад в исследование погребального обряда андроновской культуры Алтая внесли местные, алтайские исследователи. Под руководством Ю. Ф. Кирюшина в Барнауле сформировалась собственная школа археологии, в рамках которой активно развиваются различные направления исследований, в том числе и вопросы андроноведения. В это время исследователи обращаются к проблемам мировоззренческих реконструкций, места памятников Алтая в андроновской традиции Западной Сибири и всего ареала данной культуры, а также ко многим другим вопросам. Однако следует заметить, что попытки обобщить выводы по изучению материалов степного и лесостепного Алтая предпринимались редко. На данный момент среди исследователей не сложилось обще-

принятой концепции интерпретации погребального обряда андроновской культуры рассматриваемого региона. Тем не менее можно выделить основные характеристики андроновских памятников Алтая, которые отмечают все ученые. Это, прежде всего, местное своеобразие могильников, которые отличаются от других территорий отсутствием надмогильных сооружений, большим количеством украшений в могилах и т. д. Вместе с тем многие авторы отмечают сходство андроновской керамики Алтая с материалами Казахстана и Западной Сибири в целом, что свидетельствует об их тесной взаимосвязи.

Таким образом, могильники андроновской культуры Алтая региона имеют свою специфику и требуют отдельного изучения. На данный момент на территории Алтайского края известно 55 андроновских могильников, на которых в общей сложности исследовано около 700 погребений. Материалы этих памятников дают ученым богатую пищу для археологических реконструкций. Их всесторонний анализ и обобщение всех имеющихся данных позволят перейти на новый, более высокий уровень интерпретаций.

Список литературы

Грязнов М. П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 11 с.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 256 с.

Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. Ч. 1. 274 с.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

Кирюшин Ю. Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // Моя избранница наука, наука без которой мне не жить... (Сборник, посвященный памяти этнографов Г. Н. Грачевой и В. И. Васильева). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 58–75.

Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 67–94.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд

древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 62–85.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. 15. С. 194–207.

Кирюшин Ю. Ф., Шульга П. И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Изв. АГУ. Сер. Филология и журналистика. История. Социология. Педагогика. Юриспруденция. Экономика. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. № 2. С. 33–38.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. № 9. 363 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 276 с.

Кунгуров А. Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1992. Вып. 15. С. 177–184.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 11. 117 с.

Матющенко В. И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. 138 с.

Матющенко В. И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг. Процессы развития. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 95 с.

Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Позднякова О. А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 3. С. 47–52.

Позднякова О. А. Об этапе становления алтайского андроноведения // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сб. науч. тр. молодых ученых АГУ. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 89–93.

Попова О. А. История изучения андроновских могильников на территории степного и лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований: Сб. науч. тр. Барнаул: Азбука, 2009. С. 157–165.

Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.

Уманский А. П. Раскопки в Нижней Суретке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83–99.

Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 132 с.

Шамшин А. Б., Ченских О. А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 52–56.

Материал поступил в редколлегию 07.06.2011

О. А. Попова

**THE ANDRONE CULTURE'S BURIAL RITE OF THE STEPPE AND FOREST-STEPPE ALTAI
IN THE SCIENTIFIC WORKS OF WEST SIBERIAN RESEARCHES
(HISTORIOGRAPHY REVIEW)**

The article devoted to the history of development scientific ideas about the burial rite of the Androne culture of Altai. It was given characteristic of main direction of investigations and conception of these problems. The author concludes that in 40–70 years of XX c. the burial rite was considered like the other culture's elements and wasn't the subject of individual analysis. In the beginning of the middle of 70 years researches more often concentrates on the interpretation some aspects of the burial rite and also on the reconstruction outlook of androne's society.

Keywords: Altai, the period of development bronze, the Androne culture, burial rite, the history of researching, historiography.